

ОТЕЛЬ

ДЛЯ
НЕСЛУЧИВШИХСЯ
ВСТРЕЧ

и

Николай Вересков

Николай Вересков

Отель для неслучившихся встреч

«Автор»

2026

Вересков Н.

Отель для неслучившихся встреч / Н. Вересков — «Автор», 2026

Что, если одно несостоявшееся свидание оставит вас с вопросом: «А что, если бы я пришла?» Вера отменяет встречу с Львом — и попадает в загадочный отель. За его дверями — жизни, где она сказала правду, рискнула, выбрала иначе. Но существует ли идеальный исход? И как мечтать о любви, не превращая другого в героя собственной фантазии? «Отель для неслучившихся встреч» — фантастическая романтическая история о сожалении и смелости выбирать. Путешествие по комнатам «если бы» помогает Вере услышать желания, отличить их от страхов и понять: счастливый исход не гарантирован. Остаётся сделать честный шаг, сохраняя за другим право на ответ. Для тех, кто боится отказа или возвращается мыслями к несостоявшемуся. История напомнит: ясность не всегда приходит до действия, а близость рождается в настоящем. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Вересков Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приглашение без адреса	6
Отель на улице после полуночи	10
Ключ от комнаты «Если бы»	16
Мужчина, которого она не встретила	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Вересков

Отель для неслучившихся встреч

Отель для неслучившихся встреч

Николай Вересков

Приглашение без адреса

Вера набрала: «Лев, я хочу прийти, но боюсь, что...»

Она остановилась на многоточии. Даже оно выглядело слишком честным. Вера выделила строку, стёрла и написала: «Сегодня не получится. Срочно задержали на работе. Прости. Давай перенесём?»

Сообщение получилось ровным, вежливым и почти правдоподобным. Работа действительно была, но закончилась ещё в половине шестого. Срочного тоже ничего не случилось. Зато встреча была назначена на семь, а за окном моросил дождь, и Лев прислал голосовое, в котором сказал: «Я хочу кое-что рассказать тебе не в переписке».

Вот с этим Вера и не справилась.

Она перечитала сообщение, будто ждала, что в нём обнаружится маленькая дверца для побега. Не обнаружилась. Вера нажала «Отправить».

Ответ пришёл почти сразу:

«Конечно. Береги себя. Напиши, когда будет удобно».

Она положила телефон экраном вниз, словно тот мог увидеть выражение её лица.

В квартире было тихо. На плите остывал чайник, который она поставила, но не включила. На кухонном столе лежала раскрытая книга, прочитанная до одной и той же страницы уже третий вечер. Рядом стояла чашка с тонкой трещиной у ручки. Вера давно собиралась её выбросить, но всякий раз думала, что чашка ещё вполне годится для чая. Иногда она так думала и о других вещах.

На полке мигал экран телефона. Три непрочитанных письма, два пропущенных звонка от мамы, напоминание записаться к стоматологу. Вера умела откладывать с деликатностью архивариуса: не теряла важное, а аккуратно переносила его в папку «потом». Там всё сохранялось. Там ничто не требовало ответа прямо сейчас.

Когда-то эта привычка помогла ей пережить расставание с Кириллом. После семи лет вместе он однажды сел напротив неё за кухонный стол и сообщил, что давно уже не видит их общего будущего. Вера тогда смотрела на его руки, сцепленные в замок, и думала о том, как ловко человек может жить рядом с тобой, уже мысленно уехав. Позже она вспоминала разные мелочи: короткие ответы, отменённые планы, его спокойное «всё нормально». Знаки были, но она не сумела их прочесть.

После Кирилла Вера решила, что больше не позволит себе оказаться последней, кто понял происходящее. Она стала осторожнее. Проверяла слова, не торопилась с обещаниями, держала планы под контролем. Если что-то начинало значить слишком много, она могла немного отступить, чтобы не потерять равновесие.

Сначала осторожность была хорошей опорой. Потом незаметно стала клеткой с удобной дверью: можно было открыть в любой момент, но Вера всё время находила причину остаться внутри.

С Львом она познакомилась в книжном на презентации сборника рассказов. Он спросил, почему она заклеила корешок старой книги бумажным скотчем, и выслушал ответ так, будто Вера сообщала ему не бытовой пустяк, а нечто важное. Потом они пили кофе. Потом встретились ещё раз. Лев умел молчать, не заставляя её заполнять паузу, и смеялся не над её шутками, а вместе с ней. Это почему-то оказалось опаснее всего.

Сегодня должна была состояться третья встреча.

Вера вымыла чашку и поставила её на сушилку. Посмотрела на трещину. Подумала, что надо купить новую. Потом поправила книгу на столе, хотя от этого она не стала ближе к концу. Потом проверила почту и, не открывая письма от мамы, закрыла приложение.

В дверь просунули конверт.

Он заскользил по полу и остановился у ножки стола. Вера замерла. В подъезде уже стихли шаги. Соседка с третьего этажа иногда оставляла у её двери рекламные буклеты, но этот конверт был слишком узким для рекламы и слишком плотным для обычного письма.

На лицевой стороне от руки было написано: «Вере».

Ни адреса, ни марки, ни обратного имени.

Вера подняла конверт. Бумага была прохладной и чуть влажной, будто её держали на улице под дождём. Внутри что-то коротко звякнуло. Она вскрыла край и вытряхнула на ладонь маленький латунный ключ. Круглая головка, потемневшая от времени, зубцы непривычной формы. Такой мог открывать старый чемодан, шкаф в гостинице или что-нибудь из тех вещей, которые люди не открывают годами.

К ключу была привязана узкая полоска бумаги. Внутри конверта лежал лист, сложенный вчетверо.

Вера развернула его.

«Вера.

Ты сегодня отменила встречу с Львом и написала, что задержалась на работе. Я пишу тебе из завтрашнего утра, в котором ты снова сказала: “Ничего страшного, будет другой раз”.

Сегодня в полночь иди в переулок за старой типографией на Садовой. Там появится отель для тех, кто не пришёл на важную встречу.

Возьми ключ. Адреса не будет.

Пожалуйста, не называй безопасностью всё, что не позволяет тебе быть увиденной».

Под письмом не было подписи.

Вера прочла его ещё раз. Потом посмотрела на часы. Без десяти девять.

«В завтрашнем утра». Она мысленно усмехнулась. Кто-то узнал о встрече и решил устроить ей странный розыгрыш. Возможно, Лев рассказал о ней общим знакомым. Возможно, подруга, которой Вера недавно жаловалась, что «опять всё усложняет», решила помочь методами, запрещёнными здравым смыслом.

Но откуда этот кто-то знал точную формулировку отговорки?

Она перевернула конверт. На обратной стороне не было ничего, даже следа от наклейки. Вера провела пальцем по краю письма. Бумага была шероховатой, с мелкими вкраплениями, как лист из старой книги.

Тревога, поднявшаяся в груди, оказалась почти приятной. Она хотя бы была ясной: вот это странно, вот это нужно объяснить. Вера умела объяснять странное. Случайность, ошибка, чужая шутка. Никакой мистики. Ключ можно купить на блошином рынке. Письмо можно подбросить в подъезд. Будущее — всего лишь удобный адрес для того, кому не хочется называть настоящее.

Она положила лист на стол и достала телефон. Льву можно было написать, что она всё-таки освободилась. Или признаться, что никакой работы не было. Вера набрала: «Я соврала насчёт работы».

Посмотрела на строку, стёрла её и убрала телефон.

Честность тоже могла подождать. Она часто ждала.

В десять Вера попыталась читать. В одиннадцать заварила чай, забыла о нём и выпила холодным. Без двадцати двенадцать всё ещё сидела за кухонным столом, а латунный ключ лежал рядом с письмом. Она не верила в отель без адреса. Она не верила, что письмо пришло из будущего. Не верила даже, что собирается куда-то идти.

Вера надела пальто.

Старая типография на Садовой давно закрылась. Раньше там печатали газеты, потом помещение сдавали под склады, а теперь за её кирпичным фасадом располагались офисы. Переулок за типографией был коротким и неудобным: проезд между двумя домами, где пахло

мокрой штукатуркой, остывшим асфальтом и чьим-то ужином. Вера ходила там всего пару раз, всегда днём. Вечером она предпочитала соседнюю улицу, где светили витрины.

На телефоне было без восьми двенадцать. Вера встала под навесом закрытой мастерской и достала письмо. Ночь придала ему другой вид. Бумага казалась не старой, а уставшей. Вера перевернула лист и обнаружила, что на полях осталось достаточно места, чтобы что-нибудь записать.

Она достала ручку и написала сверху: «Чего я боюсь, если приду».

Сначала рука двигалась быстро.

«Что Лев окажется не таким, каким я его придумала».

«Что я ему не понравлюсь».

«Что я скажу что-нибудь глупое».

«Что он расскажет, чего хочет от меня, и мне придётся ответить».

Она задумалась, потом добавила:

«Что мне понравится».

Это было хуже, чем всё остальное. Если Лев ей нравился, у происходящего появлялось продолжение. А продолжение не помещалось в её аккуратно распланированные вечера. Оно могло потребовать доверия, объяснений, уязвимости. Могло закончиться. Вера слишком хорошо знала, что неприятное не всегда случается внезапно. Иногда оно долго сидит за одним столом и спрашивает, как прошёл день.

Она провела черту ниже и написала: «Что я потеряю, если не приду».

Ручка коснулась бумаги.

Вера представила, как Лев ждёт её у кафе, потом замечает сообщение. Как убирает телефон в карман, заказывает чай без неё. Но он, скорее всего, не ждал: уже ответил, что всё в порядке. Она подумала о возможности узнать, что он хотел рассказать. Подумала о том, что могла бы провести вечер не дома, не прислушиваясь к тишине и не называя её покоем.

Ручка осталась неподвижной.

Ни одной строчки.

Вера посмотрела на пустое место под заголовком. Оно было так же чисто, как её сообщение Льву до того, как она отправила ложную отговорку. Чисто — значит, будто ничего не произошло. Будто выбор можно отменить, если не произносить его вслух.

На Садовой пробило полночь. Издалека донёсся протяжный гудок трамвая, потом где-то хлопнула дверь. Вере стало неловко за саму себя: стоит ночью в переулке с чужим письмом и пустым списком, как будто участвует в спектакле, на который не покупала билет.

Она спрятала лист в карман. Можно было вернуться домой. Утром всё покажется глупым. Она позвонит маме, ответит на письма, выберет чашку без трещины и спокойно отложит стоматолога ещё на неделю. Завтра она даже сможет убедить себя, что не потеряла ничего важного.

Вера сделала шаг в сторону выхода из переулочка.

И остановилась.

Вот оно, подумала она. Не страх перед тем, что случится. Страх, что случится хоть что-нибудь, чего она не предусмотрела. Она столько лет пыталась не оказаться застигнутой врасплох, что перестала подходить к жизни достаточно близко, чтобы та могла её удивить.

Это была не слабость. Она не обязана была бросаться навстречу каждому незнакомцу и каждому риску. Осторожность когда-то спасла её, когда привычный мир развалился без предупреждения. Но теперь она сама решала, когда останавливаться. И каждый раз, когда говорила «в другой раз», делала выбор. Не выбор в пользу безопасности вообще, а выбор оставить всё как есть.

Вера повернулась обратно.

У стены, между кирпичными домами, не было ничего, кроме мокрой кладки и чёрного водостока. Теперь там светился узкий прямоугольник. Сперва она решила, что это отблеск фар, но свет не двигался. Он был тёплым, золотистым и неестественно ровным, будто за стеной горел старый гостиничный коридор.

Кирпичи дрогнули. Не обрушились, не разошлись с грохотом, а словно вспомнили, что могут быть устроены иначе. В стене проступила дверная рама из тёмного дерева. За ней возникла дверь с матовым стеклом и латунной ручкой. На стекле не было вывески, но изнутри лился свет, мягкий и терпеливый.

Вера замерла, сжимая ключ в кармане.

Пустой список остался пустым. И теперь это уже не походило на забывчивость. Если она не придёт к Льву, потеряет не обязательно его. Она потеряет возможность узнать, кем могла бы стать рядом с ним. Возможность ошибиться, передумать, испытать радость, разочарование, смех. Потеряет не гарантированное счастье, а шанс на встречу с тем, чего пока не существует.

Она сделала один шаг к двери.

— Я не просто берегла себя, — произнесла Вера. Голос прозвучал негромко, но не исчез в переулке. — Я решила ничего не менять и назвала это безопасностью.

Латунный ключ в её ладони нагрелся.

Дверь в стене стояла открытой не была. Пока. **КЛЮЧЕВОЙ ВЫВОД:** *Откладывая встречу, Вера не сохранила свободу выбора, а выбрала оставить жизнь без перемен.*

Отель на улице после полуночи

Вера вставила латунный ключ в замочную скважину. Металл был теплым, почти живым. Ключ провернулся без сопротивления, и дверь раскрылась внутрь.

За порогом оказалось не темно, а сумрачно, как в комнате, где кто-то только что задул свечу. Вера переступила через порог. Холодный воздух переулка остался за спиной, а к ней сразу потянулся запах полированного дерева, мокрой шерсти и крепкого кофе. Дверь тихо закрылась.

Вера обернулась. За матовым стеклом не было ни улицы, ни света фонаря. Только её отражение и тень дверной рамы.

Фойе напоминало вокзал, старый театр и прихожую из её детства, хотя ни одно из этих мест не должно было поместиться в одной комнате. Над стойкой регистрации висели большие круглые часы с потемневшим циферблатом. Бархатные портьеры скрывали дальнюю стену, а вдоль другой тянулись обои выцветшего зелёного цвета. У стены стояла вешалка, на нижнем крючке которой висел крошечный детский шарф.

Вера помнила такой шарф. Или ей казалось, что помнила.

Пол под ногами отозвался мягким скрипом. Где-то в глубине здания прокатился звук колёс по рельсам, за ним последовал удар театрального гонга. В фойе пахло детством, вокзальным буфетом и дождём, который ещё не успел высохнуть на её пальто.

— Доброй ночи, Вера.

Из-за стойки поднялся мужчина лет шестидесяти. На нём был тёмный жилет, белая рубашка и выражение лица человека, который не удивляется даже внезапно появившейся в его гостинице женщине. Он улыбнулся вежливо, но без радости, словно радость здесь тоже полагалось предъявлять при регистрации.

— Вы меня ждали? — спросила Вера.

— Я ждал, что кто-нибудь войдёт.

— Это не ответ.

— Зато честный. Меня зовут Аркадий Петрович. Вы можете пока не называть фамилию.

У нас не торопят с формальностями.

— А с объяснениями?

— Их обычно торопят. Поэтому они выходят хуже.

Он указал на кресло у стойки, но Вера осталась стоять.

На стойке лежала книга в кожаном переплёте. Рядом стоял колокольчик, похожий на театральный, и лежал небольшой поднос с двумя чашками. Одна из них была пуста. От второй поднимался пар, хотя кофе Вера не просила.

— Где я? — спросила она.

— В отеле.

— Это я поняла.

— Тогда вы уже знаете больше, чем многие гости.

— Какой отель?

Аркадий Петрович взглянул на стену за собой. Там, где обычно висела бы вывеска, обои были чуть светлее, словно надпись когда-то сняли. Вера разобрала в узоре очертания букв, но не смогла прочесть их целиком.

— Отель для тех, кто опоздал, — сказал он. — Хотя иногда люди приходят вовремя. Просто не туда.

— Это какой-то розыгрыш?

— Разумеется. Но не мой.

Она подошла к двери и взялась за ручку. Латунь оказалась прохладной. Вера потянула дверь на себя.

За ней было всё то же фойе.

Не коридор, не улица, а фойе, стойка регистрации и Аркадий Петрович, который теперь стоял чуть дальше и держал в руках чистую чашку. Вера так резко отступила, что задела плечом стену. Старые часы над стойкой тронулись с места и отсчитали один громкий удар.

— Что это было?

— Дверь.

— Я только что вошла через неё.

— В этом я не сомневаюсь.

— Я хочу выйти.

— Конечно.

— Тогда откройте дверь.

— Она открыта.

— Не смешно.

— Я и не пытался шутить.

Вера снова подошла к двери. На этот раз она остановилась, прежде чем коснуться ручки. Сзади скрипнул пол. От вешалки донёсся слабый запах нафталина, знакомый до боли. Вера вдруг поняла, что крепко сжимает ключ.

— Вы не заперты, — сказал Аркадий Петрович. — Я не имею к этому отношения.

— Но дверь ведёт обратно сюда.

— Возможно, вы проверяете, можете ли уйти, а не уходите.

— Вы всегда разговариваете загадками?

— Только когда меня об этом просят.

Вера обернулась. Он улыбался краешком рта. Не насмешливо, скорее устало. Она хотела ответить, но заметила окна за портьерами.

За окном не было города.

Там тянулась узкая улица, залитая дождём. Фонари отражались в лужах, и у остановки стоял мужчина с бумажным стаканчиком. Он поглядывал на часы и время от времени поворачивал голову в сторону пустой дороги. Когда подъехал автобус, мужчина не сел. Он остался под навесом, будто ждал не транспорта.

Вера подошла ближе. Стекло было холодным. Улица за ним показалась знакомой, но не сразу. Потом она увидела вывеску кофейни на углу и узнала место, где когда-то не решилась дожидаться подругу после их ссоры. Тогда ей хватило пяти минут, чтобы уйти и убедить себя, что первая не должна делать шаг.

Она перевела взгляд на другое окно.

Там была лестница перед театром. Женщина в красном шарфе стояла у афиши, билет в руке медленно размокал под дождём. Через дорогу, под козырьком, ждал мужчина. Женщина посмотрела на него, но не двинулась. Мужчина опустил руку и ушёл. Улица опустела.

— Это настоящие места? — спросила Вера.

— Когда-то были.

— А люди?

— Тоже.

— Они не встретились?

— В этом отеле не показывают встречи. Только улицы, на которых их не случилось.

Аркадий Петрович поставил чашку на стойку. По дереву пробежала тонкая дрожь, будто здание вздохнуло.

— Почему?

— Потому что встреча могла бы всё изменить. Или ничего не изменить. Мы этого не знаем.

Вера посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что здесь можно увидеть, что было бы, если бы я пришла к Льву?

— Нет. Я хочу сказать, что можно увидеть последствия того, что вы не пришли.

В этих словах не было упрёка. И оттого они прозвучали сильнее.

За стеклом проступил знакомый переулок. Небольшое кафе, в котором Вера и Лев договорились встретиться, стояло на углу. Она не видела его с порога, но теперь узнала низкий навес и круглую вывеску. Внутри горел свет. За столиком у окна сидел мужчина в тёмном пальто и смотрел на телефон.

Вера задержала дыхание.

Мужчина поднял голову. На мгновение ей показалось, что он смотрит прямо на неё. Потом он убрал телефон, встал и вышел из кафе. Дверь за ним закрылась, и стекло стало тёмным.

— Это был Лев? — спросила она.

— Я не знаю, кто такой Лев.

— Но вы увидели, что я увидела.

— Я увидел улицу. То, что вы узнали в ней, принадлежит вам.

— Значит, это мог быть он?

— Мог. А мог быть человек, которого вы боитесь разочаровать. Окна здесь не показывают будущее, Вера. Они показывают места, где выбор уже оставил след. Иногда мы принимаем собственный страх за улику.

Вера отвернулась от окна. Ей хотелось возразить, что страх бывает полезен, что он предупреждает, что не всякая дверь заслуживает того, чтобы её открывать. Но она вспомнила, как весь вечер называла осторожностью желание ничего не менять. От этих воспоминаний фойе стало теснее.

Свет под портьерами потускнел. Аркадий Петрович молча передвинул чашку, освобождая место на стойке. В тот же миг лампы загорелись ярче.

— Отель слушает? — спросила Вера.

— Скорее, замечает.

— И что он заметил?

— Что вы устали стоять.

Вера села в кресло. Обивка была мягкой, знакомой, как у кресла в гостиной её бабушки. Она снова оглядела комнату, теперь медленнее. На стене возле стойки висела небольшая табличка. На этот раз буквы сложились в название: «Отель для неслучившихся встреч».

— А вы здесь кем работаете?

— Сегодня управляющим.

— А завтра?

— Не знаю. Отель порой меняет обязанности без предупреждения. Однажды я проснулся и обнаружил, что отвечаю за цветы. До сих пор не уверен, что справился.

Вера впервые почти улыбнулась. Почти.

Аркадий Петрович открыл кожаную книгу. Страницы были исписаны аккуратным почерком. В одних строках стояли даты, в других — только имена и названия улиц. Возле некоторых имён чернила расплылись, словно на них упала вода.

— Это гости?

— Те, кто пришёл сюда.

— Все опоздали?

— Не все. Некоторые решили, что уже поздно. Это разные вещи.

Он перелистнул страницу. Вера увидела дату, имя, короткую запись: «Вокзал. Не узнал». На следующей странице значилось: «Парк у реки. Не спросила». Возле этих слов поле с заголовком «Чем закончилось пребывание?» осталось пустым.

— Вы записываете, чем всё заканчивается?

— Иногда. Если гость хочет оставить запись.

— А если не хочет?

— Тогда остаётся пустое место.

Вера наклонилась над книгой. Бумага отдавала сухой пылью и чем-то сладким, как старый чай. На чистой странице уже виднелись тонкие серые линии, будто кто-то предварительно намечал таблицу.

— Вы записали меня?

— Нет.

— Но вы называли меня по имени.

— Вы называли себя, когда вошли.

Вера попыталась вспомнить, говорила ли своё имя. Она не помнила. Возможно, произнесла его, ещё не переступив порог. Возможно, Аркадий Петрович прочёл его на её лице. Ни один вариант не казался убедительным.

На открытой странице дрогнуло перо. Оно лежало поперёк книги, но теперь медленно покатилося к полю с именами. Вера поднялась.

— Вы это сделали?

— Нет.

Перо остановилось. Капля чернил упала на бумагу и растеклась тонкой чёрной нитью. Нить изогнулась, сложилась в букву «В». За ней появилась «е», потом «р» и «а».

Вера не отводила глаз.

Перо не двигалось. Чернила продолжали проступать сами собой. Рядом возникла дата: «12 октября». Ниже, в другой графе, медленно обозначилось: «Следующая встреча — 21 октября, 19:00».

У Веры похолодели ладони. Она достала телефон. На экране высветилось: «12 октября, 00:31».

— Это что значит? — спросила она.

Аркадий Петрович наклонился к книге. Впервые за весь вечер его спокойствие дало трещину. Он нахмурился и снял очки, хотя Вера не заметила, чтобы он их надевал.

— Не знаю.

— Вы хозяин отеля.

— Это не значит, что я понимаю всё, что он делает.

В нижней части страницы была графа «Чем закончится пребывание». Вера смотрела, как чернила подступают к краю пустой строки, но не заполняют её. Ни точки, ни буквы.

— Здесь написана будущая встреча, — сказала она. — С кем?

— В книге этого нет.

— С Львом?

— Я не знаю, кто такой Лев.

— Но двадцать первого октября. В семь вечера. Это не может быть случайностью.

— Может. Может быть напоминанием. Может быть возможностью, которую вы заметите.

Книга указывает дату, но не приводит за руку к двери.

Вера провела пальцем над страницей, не касаясь чернил.

— Если я не приду?

— Тогда не придёте.

— И всё?

— Я не могу обещать, что ничего не изменится. Вы уже знаете, что выборы меняют жизнь, даже когда выглядят как отказ от выбора.

Она подняла на него глаза. Аркадий Петрович не говорил как наставник. Он говорил как человек, которому однажды самому пришлось оставить пустую строку и жить с этим.

— Вы обещаете, что эта встреча будет хорошей?

— Нет.

— Что я не пожалею?

— Нет.

— Что Лев будет там?

— Я даже не знаю, какой у него голос.

У Веры вырвался короткий смешок. Напряжение не исчезло, но ослабло, как узел, который перестали затягивать.

— Тогда зачем мне эта дата?

— Чтобы вы знали, что дата существует. Не больше.

Она взглянула на пустую графу. Её имя уже стояло на странице. Рядом была встреча, а под ней — незаполненное место, в котором не обещали ни любви, ни прощения, ни счастливого финала. Отель не снимал с неё необходимости решить, что делать. Он лишь показывал, что решение оставляет след, даже если его называют паузой.

— Я останусь до рассвета, — сказала Вера.

— Разумно.

— Не потому, что вы мне доверяете?

— Я не успел вас узнать.

— И не потому, что книга велела.

— Книга ничего не велела.

— Я останусь, потому что хочу понять, почему моё имя здесь.

Аркадий Петрович кивнул, будто это был первый ответ за вечер, который не требовал поправок.

— Это уже похоже на выбор.

— Не делайте выводов раньше времени.

— Постараюсь. У нас тут и без того слишком много людей, уверенных, что всё уже поняли.

Он достал из ящика стойки небольшой ключ на тёмной ленте. Бирка была гладкой, без номера. Когда он положил ключ рядом с книгой, на металле проступили две тонкие строки: «Если бы».

Вера посмотрела на Аркадия Петровича.

— Что это?

— Возможно, ваш номер. Возможно, вещь, которую кто-то оставил до вас.

— Вы снова не знаете?

— Сегодня я удивительно часто говорю правду.

Она взяла ключ. Металл был тёплым. Из глубины отеля донёсся одинокий звон, похожий на удар колокола на пустом вокзале.

На лестнице, ведущей из фойе на второй этаж, что-то скрипнуло. Вера подняла голову. На верхней площадке стоял мужчина. Свет падал ему за спину, скрывая лицо. Он замер, словно тоже заметил её.

Вера не могла разглядеть ни черт, ни выражения его лица. Только неподвижный силуэт и одну руку, лежавшую на перилах.

— Это ещё один гость? — спросила она.

Аркадий Петрович обернулся к лестнице.

— Вероятно.

Силуэт не двинулся. Вера сжала ключ с биркой «Если бы» и впервые за вечер не стала отворачиваться от неизвестности.

Ключ от комнаты «Если бы»

Силуэт на лестнице качнулся, будто услышал не вопрос Веры, а её решение не отворачиваться. Потом отступил за перила и исчез.

— Он не собирается вас съесть, — сказал Аркадий Петрович.

— Вы говорите так, будто уже проверяли.

— Не на себе.

Хозяин отпер дверцу под стойкой и вынул узкую свечу. Не зажигая, приложил к фитилю палец, словно проверял, цел ли тот.

— Комната находится наверху. Но прежде чем вы туда войдёте, я должен предупредить: она покажет один путь, который мог начаться после несостоявшейся встречи. Не лучший путь. Не худший. И уж точно не ответ на вопрос, как вам следовало поступить.

Вера повертела в пальцах ключ. Металл оставался тёплым.

— А что именно она покажет?

— Одно мгновение. Возможно, несколько минут. Иногда комната умеет быть щедрой, но не надёжной.

— Вы снова говорите загадками.

— Я стараюсь не обещать невозможного.

Вера посмотрела на лестницу. Там было пусто. Только на стене шевелилась длинная тень от настенного бра.

— Если я увижу, что там всё хорошо, значит, я ошиблась?

— Нет.

— Если всё плохо?

— Тоже нет.

— Удобное место этот отель. Никто ни за что не отвечает.

Аркадий Петрович улыбнулся без обиды.

— За вас я точно отвечать не могу.

Она поднялась. На втором этаже тянулся узкий коридор с ковровой дорожкой цвета сухой клюквы. Двери стояли по обе стороны, но на них не было номеров. В конце коридора ждала одна, тёмно-зелёная, с круглой бронзовой накладкой. На бирке ключа проступали две строки: «Если бы».

Вера вставила ключ в замок.

— Помните, — сказал снизу Аркадий Петрович, — комната не знает, была бы та жизнь счастливой. Она знает только, что могла открыться.

Ключ провернулся легко.

За дверью пахло дождём, книжной пылью и чем-то сладким, будто кто-то только что очистил мандарин.

Вера застыла на пороге.

Это была её квартира. И всё же не её.

В знакомой комнате стоял серый диван, тот самый, что она купила после переезда, но теперь он располагался у окна, а не спиной к нему. Книжные полки были переставлены. На подоконнике вместо аккуратных суккулентов теснились горшки с базиликом, один из которых явно давно просил о помощи. Жёлтые шторы, которые Вера когда-то разглядывала в магазине, но так и не купила, делали вечерний свет почти медовым.

На столе лежал билет на концерт. Камерный зал, двадцать первое октября, восемь вечера. Вера узнала название программы: Равель и Дебюсси. Когда-то она отправила Илье ссылку на этот концерт со словами: «Мне кажется, под такую музыку легче не притворяться, что всё в порядке».

Он ответил: «Тогда пойдём. Если не против».

Она не была против. Она даже купила себе билет. Но встречу отложила сначала из-за работы, потом из-за внезапной мигрени, которую, если честно, придумала не до конца, но и не совсем выдумала. К вечеру концерта Илья написал, что не станет торопить её. Потом переписка постепенно поредела, как свет в окнах, когда поезд отходит от станции.

Вера шагнула в комнату.

За её спиной дверь осталась открытой, но коридора за ней не было. Там виднелась тонкая полоска отельного ковра, словно напоминание о выходе.

С кухни донёсся шум воды.

Вера пошла на звук. В дверном проёме стоял мужчина в тёмной рубашке и закатывал рукава. Лицо она знала по маленькой фотографии из переписки: тёмные брови, чуть заметная складка между ними, улыбка, которая не торопилась появляться. Вживую он выглядел иначе, чем на экране. Старше. Усталей. Реальнее.

Илья поставил на стол две кружки. Одна была синяя, другая с выцветшим рисунком лимонов.

— Ты опять взяла кружку с трещиной, — сказала женщина у окна.

Вера резко обернулась.

Это была она сама.

Другая Вера стояла у стола, сняв один ботинок и держа второй в руке. Волосы намокли от дождя, на щеке размазалась тушь. Она выглядела не счастливой и не несчастной. Просто уставшей после длинного дня.

— Она не протекает, — ответил Илья.

— Пока.

— Это больше, чем можно сказать о раковине.

Под кухонным шкафом стоял таз. С потолка капала вода. Илья протянул руку к полотенцу, зацепил локтем ложку, та упала на пол. Другая Вера вздохнула.

— Я просила тебя вызвать мастера ещё во вторник.

— Я знаю. Забыл.

— Ты всё забываешь, когда дело не касается твоей работы.

Он посмотрел на неё, не оправдываясь.

— Это правда. Мне жаль.

Она помолчала, потом подняла с пола ложку.

— Я тоже не позвонила маме.

— Ты обещала ей?

— Да.

— Хочешь позвонить сейчас?

— Нет.

— Тогда не звони.

— Она будет обижаться.

— Вероятно.

Другая Вера нахмурилась.

— Ты ужасно помогаешь.

— Я не знаю, как помочь, если ты не просишь.

В её лице мелькнуло раздражение, но не злость. Скорее узнавание. Она поставила ложку на стол и осторожно коснулась плеча Ильи.

— Иногда я хочу, чтобы ты сам догадался.

— А иногда я боюсь угадать неправильно.

Илья не притянул её к себе. Не произнёс нужных слов. Просто подвинул к ней кружку с выцветшими лимонами.

На столе лежал раскрытый конверт с квитанцией. Рядом — список покупок, в котором «корм для кота» было перечёркнуто, а ниже небрежно дописано: «мастер, обязательно». На спинке стула сохла промокшая куртка. В этой квартире была музыка, но ещё была течь под раковиной, усталость, забытый звонок и необходимость выяснять, кому сегодня мыть посуду.

И всё равно Вера не могла отвести взгляд от того, как естественно Илья стоял рядом с её другой версией.

— Ты пришёл на концерт? — прошептала она.

Другая Вера взглянула на билет, но не ответила.

Комната не обещала продолжения. Только приоткрытую дверь в глубине квартиры, за которой виднелся ещё один прямоугольник света. Вера не помнила такой двери в своей настоящей квартире. Оттуда доносились тихие голоса, приглушённые, неразборчивые. Достаточно было сделать несколько шагов, чтобы попытаться увидеть больше.

Вера почувствовала, как пальцы сами собой сильнее сжали ключ.

Вот она, улика. Вот доказательство. Если бы она пришла на встречу, если бы не испугалась, если бы не придумала мигрень, у неё могла бы быть такая жизнь. Илья в её кухне. Две кружки. Их неловкие разговоры. Возможно, музыка по вечерам. Возможно, кто-то, кто не уходил бы, когда она говорила о страхе.

Ключ обжёг ладонь.

Вера разжала пальцы. На коже не осталось следа, но металл был горячим, почти болезненно горячим.

Она поняла, чего требовала от комнаты: не показать возможное, а оправдать её нынешнюю жизнь или осудить её. Ей нужен был приговор, который избавил бы от неопределённости.

— Если бы я пришла, он бы меня выбрал? — спросила она.

Илья в кухне взял полотенце и вытер воду у раковины. Другая Вера откусила мандариновую дольку. За окном проехала машина, расплескав по стеклу дождевую воду. Никто не поднял головы.

Комната не ответила.

Вера достала из сумки маленькую записную книжку. На первой свободной странице провела три линии и написала сверху: «Факт. Фантазия. Потребность».

Сначала она написала то, в чём не сомневалась.

Факт: они с Ильёй переписывались несколько недель. Он умел слушать. Она рассказала ему, что однажды уже открылась человеку и потом долго жалела об этом. Он не стал спорить с её страхом и не потребовал, чтобы она немедленно ему доверилась. Он предложил пойти на концерт. Она дважды отложила встречу, а в последний раз не пришла. Он не стал её уговаривать. Через некоторое время их переписка закончилась.

Это произошло. Не больше и не меньше.

Во второй колонке Вера задержала ручку.

Фантазия: Илья оказался бы любовью всей её жизни. Они научились бы понимать друг друга с полуслова. Он никогда не причинил бы ей боли. Или, напротив, на первой встрече разочаровался бы в ней и ушёл. Она бы снова привязалась, а потом осталась одна. Встреча изменила бы всё. Встреча ничего бы не изменила.

Она перечитала написанное. Оказалось, фантазия умела носить обе маски: сияющую и мрачную. Каждая служила одной цели — позволяла не смотреть на то, чего Вера хотела сама.

Воспоминание пришло не сразу, а как слабая боль в старом ушибе.

Когда-то, ещё с Антоном, Вера призналась, что боится быть неудобной. Сказала, что ей важно иногда слышать: он не сердится, не устал от неё, не собирается исчезнуть. Антон ответил, что не может постоянно успокаивать её и что она превращает простые отношения в работу. Возможно, он действительно устал. Возможно, не умел оставаться рядом с чужой тревогой. Но Вера запомнила не его усталость, а собственный стыд после признания.

С Ильёй она переписывалась иначе. Не всё прятала за шутками. Однажды написала ему поздно ночью, что временами чувствует себя человеком, которого можно любить, только пока он полезен. Илья ответил: «Не знаю, как тебя переубедить. Могу просто побыть на связи, если тебе сейчас нужно».

Вот тогда Вера и отступила.

Не потому, что он сделал что-то не так. Потому что нежность, даже предложенная осторожно, напомнила ей о риске. Уязвимость показалась дверью, которую однажды уже захлопнули перед ней.

Она перешла к третьей колонке.

Потребность: быть рядом с человеком, которому можно сказать правду о себе и не заслуживать право остаться. Узнать, способна ли она хотеть встречи, не требуя гарантии, что всё закончится хорошо. Иметь возможность передумать, но не использовать возможность отступить раньше, чем она вообще попробует.

Вера опустила ручку.

На кухне Илья что-то сказал, и другая Вера ответила коротким смешком. Затем они снова заговорили о протекающей раковине. Их голоса не были обещанием. Они были просто головами двух людей, которые однажды встретились и теперь спорили о забытом мастере.

Вера хотела узнать, счастлива ли та женщина. Хотела понять, не жалеет ли она о чём-то, не одинока ли ночью, не думает ли иногда о другой версии своей жизни. Но комната показывала лишь этот отрывок. За дверью в глубине квартиры могло быть что угодно: ещё один вечер, ссора, расставание, привычка, радость. Ни одна из этих вещей не была обязана случиться.

Вера взглянула на ключ. Он остывал.

Она могла войти глубже. Могла поискать продолжение и, возможно, получить ещё один образ для своих выводов. Могла попросить комнату показать, что случилось бы через год, через пять, после первого поцелуя или первой ссоры. Но теперь она знала, зачем ей это нужно. Не чтобы узнать Илью. Чтобы переложить на воображаемую жизнь ответственность за собственный выбор.

Вера закрыла записную книжку.

— Мне хватит, — сказала она.

Другая Вера повернулась к ней. Их взгляды встретились. На секунду показалось, что женщины узнают друг друга, но в лице той, что стояла у кухонного стола, не было ни ответа, ни укоризны. Только усталость и любопытство.

Вера отступила к входной двери.

В квартире пахло мокрой шерстью, мандаринами и горячим металлом. Она переступила порог и оказалась в отельном коридоре. Дверь закрылась сама, тихо, без щелчка. Ключ остался в её руке — прохладный, тяжёлый, обыкновенный.

Аркадий Петрович ждал у лестницы.

— И что там было? — спросил он.

— Моя квартира. Только переставленная.

— Это часто случается.

— Илья был там. Мы вернулись с концерта. Кажется.

— Кажется?

— Я не знаю, что именно видела. Наверное, то, что мне хотелось увидеть.

Хозяин посмотрел на её ладонь, где она всё ещё сжимала ключ.

— А чего вам хотелось на самом деле?

Вера не ответила сразу. Этот вопрос оказался теснее комнаты и не позволял спрятаться за красивое будущее или страшное прошлое.

— Чтобы меня выбрали, — сказала она наконец. — Но ещё чтобы я могла сама выбрать. Не обещая, что не испугаюсь.

Аркадий Петрович кивнул, словно не удивился.

— Это уже больше, чем вопрос о том, счастливы ли люди за другой дверью.

— Но я всё равно не знаю, была ли там счастлива другая я.

— Комната и не знала.

Вера спустилась в фойе. Теперь шаги звучали спокойно. Она не стала ни ругать себя за отступление, ни объявлять его мудростью. Тогда она испугалась. Это было правдой. Она не могла знать, чем завершилась бы встреча. Это тоже было правдой. А ещё было правдой, что ей хотелось близости, пусть она тогда не сумела назвать это желание вслух.

Она положила ключ на стойку, но не отпустила его.

— Оставьте у себя, — сказал Аркадий Петрович. — Он открывает только ту дверь, к которой подходит.

Вера убрала ключ в карман пальто.

С лестницы донёлся скрип. Она подняла голову.

Мужчина стоял ниже, чем прежде. Свет падал на него сбоку, высвечивая воротник тёмного пальто и руку, лежавшую на перилах. Лица Вера по-прежнему не могла разглядеть. Но когда он произнёс её имя, она узнала голос — тот самый, что когда-то звучал в коротких сообщениях, которые она слушала в наушниках, прежде чем решиться ответить.

— Вера?

Она не знала, кто именно стоял на лестнице. Но теперь знала, что хочет услышать, что он скажет дальше.

Мужчина, которого она не встретила

Вера сжала ключ в кармане.

— Илья? — спросила она.

Мужчина спустился ещё на ступеньку. Свет скользнул по его лицу, и Вера узнала черты с маленькой фотографии в мессенджере: упрямую складку между бровями, чуть неровную линию улыбки. Он оказался старше, чем на снимке, или просто устатее. На воротнике пальто блестела капля воды.

— Ты всё-таки пришла, — сказал он.

Голос был почти таким, каким Вера его помнила. Не идеально тем же. В живом голосе всегда больше воздуха, больше случайных шероховатостей. Но она узнала привычку слегка понижать тон в конце фразы, будто не хотел навязывать ей даже собственную интонацию.

Она хотела ответить: «Да». Хотела сказать: «Я долго шла». Хотела спросить, сколько он ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.